

заведомо научном органе, как американский журнал «Наука сегодня») или в телепатии и т. п., очевидно, не соблюдается заповедь стандартизации и воспроизводимости эксперимента...

Особого интереса историков науки заслуживает роль либеральных облагораживателей, которые вели борьбу за соединение кибернетики с социализмом. На фоне множества вполне верноподданных, абсолютно деполитизированных, как их называли «технарей», либеральные критики-облагораживатели, действовавшие на грани разрешенного, выглядят как будто пристойно, как союзники (неявные) диссидентов. Стремясь перевоспитать власти, они проявляли установки на включение нашей страны в общецивилизационную глобальную систему. Так, А. Берг писал: «К XXII съезду нашей партии именно для рассеивания некоторых сомнений о мнимых „претензиях“ кибернетики был издан специальный сборник „Кибернетику — на службу коммунизму“» [14, с. 14].

Конечно, справедливости ради нельзя не признать печальный факт, что подобно Алисе, оказавшейся в «Зазеркалье», страна под гром литавр вползала в «Запобедье», в котором победы по некоему злому волшебству превращались во все более обескураживающие поражения, и ни пакет, ни даже целый волшебный сундук экономических реформ не может дать должного эффекта без коренной перестройки всей системы, и в первую очередь ее политической структуры.

В плане же общечеловеческом — перспективы включения нашей страны в мировое сообщество — можно наш опыт рассмотрения нормальной лженауки кибернетики завершить словами Хафиза:

«Да, я считаю, что пора людей переродить:
Мир надо заново создать — иначе это ад!
Но что же в силах дать Хафиз слезинкою своей?
В потоке слез она плышет росинкой наугад» [25, с. 126].

Список литературы

1. Кибернетика: прошлое для будущего. М., 1989.
2. Теория передачи электрических сигналов при наличии помех. М., 1953.
3. Вопросы философии. 1959. № 12.
4. Лебедев Д. В. Судьбы генетики в нашем обществе // Суровая драма народа. М., 1989.
5. Краткий философский словарь. М., 1954.
6. Берг А. И. Кибернетика и некоторые технические проблемы управления народным хозяйством // Вопр. философии. 1961. № 2.
7. Философские проблемы современного естествознания. М., 1959.
8. О сущности жизни. М., 1964.
9. Коммунист. 1960. № 2.
10. Лебедев С. А. Электронные вычислительные машины. М., 1956.
11. Харкевич А. А. Информация и техника // Коммунист. 1962. № 17.
12. Новик И. Б. О двух популярных брошюрах по кибернетике // Вопр. философии. 1961. № 8.
13. Ровенский З., Уемов А., Уемова Е. Машина и мысль. М., 1960.
14. Кибернетика, мышление, жизнь. М., 1964.
15. Новик И. Б. Вопросы стиля мышления в естествознании. М., 1975.
16. Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. В 2-х кн. М., 1989.
17. Берг А., Китов А., Ляпунов А. Радиоэлектронику — на службу управлению народным хозяйством // Коммунист. 1960. № 9.
18. Кибернетику — на службу коммунизму. М.; Л., 1981.
19. Берг А. И., Новик И. Б. Развитие познания и кибернетика. Коммунист. 1965. № 2.
20. Кибернетику — на службу коммунизму. М.; Л., 1961.
21. Юность. 1989. № 12.
22. Частотный словарь русского языка. М., 1977.
23. Восходы лун на стоянках веселья. Л., 1983.
24. Бутенко А. Кризис или тупик? // Московская правда. 1990. 15 мая.
25. Хафиз. Лирика. М., 1956.
26. Новик И. Б. Кибернетика, философские и социологические проблемы. М., 1963.
27. Новик И. Б. О моделировании сложных систем: Философский очерк. М., 1965.
28. Бирюков Б. В., Геллер Е. С. Кибернетика в гуманитарных науках. М., 1973.
29. Бирюков Б. В. Кибернетика и методология науки. М., 1974.

Г. Е. ГОРЕЛИК

ОБСУЖДЕНИЕ «НАТУРФИЛОСОФСКИХ УСТАНОВОК СОВРЕМЕННОЙ ФИЗИКИ» В АКАДЕМИИ НАУК СССР В 1937—1938 ГОДАХ

Физики и философия в первое двадцатилетие Советской власти

В 30-е годы естествознание в СССР испытывало стремительно нараставшее давление философско-политического характера. Общие причины этого сейчас уже хорошо известны и вполне понятны. Ужесточающаяся диктатура из государственной политики с большим или меньшим запаздыванием распространялась на все другие области общественной жизни. Повышенное внимание к науке определялось также специфическими чертами государственной идеологии. На знамени марксизма был начертан лозунг научного переустройства общества на основе целостного охвата всех сторон социальной жизни. При этом естествознанию отводилась роль основы техники, которая, в свою очередь, определяет уровень производительных сил общества. Эта роль естественных наук приобретала особое значение в условиях технической отсталости России и стремления скорейшим образом «догнать и перегнать».

Для публичного взаимодействия философии и естествознания с 1922 г. служил специальный журнал «Под знаменем марксизма» (далее ПЗМ — *Ред.*). Разумеется, это знамя развевалось отнюдь не только в мире чистых идей и общих социально-политических обстоятельств. В различных областях естествознания указанное взаимодействие существенно зависело от внутреннего и внешнего положения данной конкретной науки — переживаемого ею внутренне исторического момента и взаимоотношения (реального и предполагаемого) с практической жизнью общества. И наконец, это взаимодействие происходило в мире людей, где кадры решают если и не все, то очень многое. Каким бы ни было общественное устройство, состояние фундаментальной науки определяется весьма небольшим числом действующих лиц, поскольку способности к научной работе даруются природой всякому обществу довольно скупо. При воссоздании социально-научной ситуации не обойтись только общим колоритом картины или ее социальным фоном, необходимо заняться отдельными фигурами. Поэтому и конкретная ситуация в физике, которой мы будем заниматься, значительно отличается от ситуации, скажем, в биологии. Можно говорить об общем характере ситуаций, но не о типовом проекте. Как бы ни была авторитарна режиссура и как бы ни были типичны действующие лица, сильные индивидуальности «исполнителей» оказывали неустрашимое воздействие на результирующий спектакль в том театре дель-арте, который называется «научная жизнь».

Герои пьесы «Философия и физика» в соответствии с ее названием отчетливо делились на две категории. Одну составляли философы-профессионалы, более

Автор благодарит сотрудницу Архива АН СССР Г. А. Савину, обнаружившую архивные материалы, на основе которых написана статья.

или менее невежественные в физике, более или менее искренне послушные идеологическому тоталитаризму (за немногими исключениями). Но представители этой группы, при всех их карательных наклонностях, могли претендовать не более чем на вторые роли в философско-научном взаимодействии. А первые история поручала людям, которые считались (и в определенном смысле были) естествоиспытателями-профессионалами. Только их участие в философско-физических дискуссиях означало не просто слово, но и дело — оргвыводы разной силы.

Понять поведение участников философско-физических дискуссий невозможно в отрыве от содержательной стороны развития физики. Как известно, в первую треть XX в. в физике происходила научная революция — быстрое и бурное изменение ее понятийного аппарата (связанное с теорией относительности и квантовой теорией). В подобных условиях особое значение имеет замечательная теорема Планка, извлеченная им из своего богатого жизненного опыта: «Обычно новые научные истины побеждают не так, что их противников убеждают и они признают свою неправоту, а большей частью так, что противники эти постепенно вымирают, а подрастающее поколение усваивает истину сразу» [1, с. 656]. Впредь до построения систематической возрастной психологии научного творчества можно считать это утверждение постулатом, под действие которого попадает в сущности каждый, для кого наука — дело жизни. Только практические следствия из этого постулата вытекают разные для ученых, различающихся своими мировоззрениями в физико-методологической и в социально-этической сферах.

Одни (к ним относился Планк) «молча» переживают внутреннюю драму или даже трагедию, мучаясь тем, что их научные идеалы обнаружили свою ограниченность. Другие, будучи не в силах отказаться от интеллектуальных инструментов, верой и правдой служивших им долгое время, стараются разубедить своих коллег. Начинают они с физических или полуфизических (методологических) аргументов, выращенных на почве «предпоследних» слов науки, а кончают... кто чем, в зависимости от творческого потенциала, методологического кругозора и, что немаловажно, от нравственной позиции.

Творчески наиболее сильные ученые глубоким, изобретательным осмыслением предшествующей, «старой» физики и проницательным критическим анализом новых физических идей вносят существенный вклад в очищение новой физики от пережитков и в завершение, «классицизацию» физики предыдущего этапа; примером может служить вторая половина научной биографии Эйнштейна.

Однако приверженность к образу физической мысли, приобретенному в начале научной карьеры, может проявиться в иной форме у физиков, не имеющих собственного творческого опыта в фундаментальной физике, в частности и опыта преодоления предпредыдущего этапа (хотя это могут быть ученые, имеющие значительные заслуги в экспериментальной и прикладной физике). Обнаружив, что «законными» научными средствами не удается повлиять на коллег, и будучи не в силах признать свой отрыв от переднего края науки и отойти в сторону, они расширяют свой агитационный арсенал, пользуясь всеми идеологическими ресурсами современного им общества.

Такой была эволюция крупных физиков-экспериментаторов, нобелевских лауреатов Ленарда и Штарка, которые отвергали теорию относительности как «неарийскую» физику, как «проявление азиатского духа».

В Советской России 30-х годов тоталитарная идеологизированность и политизация общества была не меньшей, чем в Германии, но социокультурные ресурсы были иными. Соответственно иные нефизические аргументы выдвигались против новых физических теорий.

Среди советских физиков наиболее видными противниками новой физики были трое: А. К. Тимирязев (1880—1955), Н. П. Кастерин (1869—1948), В. Ф. Миткевич (1872—1951). Однако философско-социальные компоненты

в их биографиях существенно различались (слово «философия» в данной статье нередко предполагает кавычки, но читатель, надеемся, по мере надобности поставит их сам).

Существенно изменялись и условия, в которых проявлялось занимающее нас взаимодействие. До начала 30-х годов философские обсуждения физики, порой весьма горячие, имели в общем доброкачественный характер. Кроме поверхностных, «филологических» суждений о соответствии или несоответствии новых научных теорий марксизму появлялись и достаточно квалифицированные рассуждения, основанные на адекватном восприятии новой физики и на историко-философской культуре [2]. Однако у физиков-специалистов, даже разделявших марксистские взгляды на социальную жизнь, не было причин, которые побудили бы их к философским выступлениям в печати.

Вехой в эволюции философско-физических дискуссий можно считать явное вмешательство высшей политической власти — постановление ЦК 1931 года о журнале «Под знаменем марксизма» [3, с. 406]. С 1931 г. журнал «Марксизм и естествознание» стал называться «За марксистско-ленинское естествознание». Резко усилившееся наступление философии на новую физику (и с целью нападения и с целью защиты) вынудило вступить в полемику и физиков-специалистов [4—7].

Среди нападавших физиков наибольшей философской активностью отличался А. К. Тимирязев — профессор физики МГУ. Особых научных достижений за ним не числится (см. [9]), если не считать его учебника статистической физики «Кинетическая теория материи». В этой книге, даже в издании 1939 г., скупые философские замечания в самом начале и в самом конце выглядят лишь ритуальными украшениями. В области своей профессиональной компетенции, где он обошелся лишь одним соотношением из квантовой физики — формулой де Бройля, Тимирязев не употреблял грозных идеологических аргументов. Он ограничился легким брюзжанием по адресу «многих из современных физиков-теоретиков, для слуха которых ненавистно само слово материя» (раз они название «кинетическая теория материи» заменяют расплывчатым термином «статистическая физика»). «Современной формалистической» (читай: квантовой) физике он противопоставил специальный параграф «Соотношение де Бройля в истолковании Дж. Дж. Томсона», основанном на существовании неких «диполей...», которые можно рассматривать как результат падения электрона на протон» [8, с. 144] (в 1939-м, напомним, году!).

Однако когда Тимирязев говорил о квантовой механике и теории относительности в целом, ему уже не хватало физических слов и он брался за философские. За двадцать лет существования журнала ПЗМ там было опубликовано около двадцати его статей, посвященных идеализму в физике.

Надо сказать, что позиция Тимирязева была довольно последовательной. У него была отчетливо левая ориентация до революции, он (как и его отец — знаменитый биолог) безоговорочно поддержал Советскую власть, в 1921 г. вступил в партию (по решению ЦК — без кандидатского стажа) [9, с. 266]. Поэтому не так уж удивительно, что его неприятие новой физики облачилось в одежды материалистической — антибуржуазной — философии: «В силу своего материалистического характера картина, даваемая Томсоном, очень проста и понятна...» [10, с. 75]. Голая суть его позиции отчетливо видна в словах «очень проста и понятна», которые вполне можно заменить одним — «привычна».

Нельзя, впрочем, считать философские соображения Тимирязева просто взятыми напрокат для прикрытия голой сути его физического мировоззрения. Нет оснований сомневаться в искренности его социальных симпатий и антипатий; играла свою роль также его оппозиция к академической науке. Поэтому философско-социальные «одежды» в некотором смысле прирастали к его физическому мировосприятию.

Совсем иной была позиция Кастирина, которую Тимирязев пропагандиро-

вал как подлинно материалистическую, но которую сам Кастерин выражал исключительно в физико-математических понятиях. Его острое неприятие квантово-релятивистской физики вполне оформилось уже в дореволюционные годы, когда он подготовил статью «О несостоятельности специального принципа относительности Эйнштейна» и когда пытался на основе гидродинамических (точнее, эфирно-динамических) представлений построить теорию, заменяющую теорию относительности и квантовую механику [11]. В советское время, вплоть до конца 30-х годов, он усердно следовал избранной программе. Но несмотря на дружное и нескрываемое неприятие его трудов специалистами [12, с. 426], он никогда не привлекал соображений, окрашенных в цвета победившей идеологии, и не поддавался, как говорится, на провокации. А провокации рождались жизнью в достаточном количестве. Например, в ходе обсуждения работ Кастерина в академии, состоявшегося 9 декабря 1936 г., в ответ на критические замечания И. Е. Тамма и Я. И. Френкеля выступил проф. Т. М. Свиридов: «Я хотел сказать, что две точки зрения будут существовать до тех пор, пока будут две системы общества. И поэтому имеет место та враждебная критика, которую мы слышали сегодня, она враждебна по своему существу и она отнюдь не преследует цели выяснения вопроса... (Чаплыгин. Я думаю, что лучше этого не говорить)» [13, л. 81]. Здесь следует заметить, что акад. С. А. Чаплыгин (1869—1942) весьма сочувственно относился к самим устремлениям Кастерина (обосновать новую физику с помощью аэродинамики), но вовсе не склонен был, подобно последнему, внедрять политическую жизнь в науку.

Обратимся, наконец, к третьему и главному для нашего сюжета борцу с новой физикой. Его позиция была в некотором смысле промежуточной между двумя описанными, однако назвать ее золотой серединой никак нельзя. Для эпитета скорее подошел бы какой-нибудь антоним к названию благородного металла.

Владимир Федорович Миткевич окончил Петербургский университет в 1895 г. Его заслуги в области электротехники были отмечены избранием в академики в 1929 г. (член-корреспондент с 1927 г.). Он участвовал в разработке плана ГОЭЛРО, в 1921—1937 гг. возглавлял Особое техническое бюро по военным изобретениям Наркомата обороны.

Учитывая общую электротехническую направленность трудов Миткевича, особенно легко представить себе психологическую основу его отношения к новой физике. Все его творчество опиралось на фундамент классической электродинамики; более того, ему вполне хватало максвелловской картины с ее эфиром и силовыми линиями (технические приложения квантово-релятивистской электродинамики обнаружались гораздо позже). Изменение в физическом фундаменте он мог встречать с опаской — как бы не рухнуло все здание электротехники. А с другой стороны, главный (особенно для техника) критерий истины — практика — не оставлял сомнений в надежности, прочности верхних, технических этажей.

Противоядием к такому здравому смыслу может стать достаточно широкий исторический и методологический кругозор, охватывающий эпизоды истории, когда физический фундамент радикально перестраивался с сохранением прикладных и технических этажей здания науки. Однако если такой кругозор, не выработавшись, возникает естественное стремление не допускать легкомысленных (по молодости) физиков к рискованным манипуляциям с фундаментом.

Не обсуждая обоснованность такой психологической реконструкции, перейдем непосредственно к борьбе Миткевича «За Фарадее-Максвелловскую установку в вопросе о природе физических взаимодействий» (так называлась его статья 1934 г. в «Сорене»). Началась эта борьба с диспута «О природе электрического тока», затеянного Миткевичем в конце 1929 г. [14, с. 363]. С точки зрения его физического оппонента — Я. И. Френкеля, поддержанного А. Ф. Иоффе и П. Эренфестом, для научной дискуссии предмета, собственно, не было; назначение могло быть разве что образовательным, просветительным.

Однако Миткевич, зашорив себя формулировками, осмысленными только для него самого, не удовлетворился разъяснениями физиков и в 1933 г. предпринял новую атаку, уже в стенах Академии наук. На октябрьской сессии состоялся его доклад «О „физическом“ действии на расстоянии» [15, с. 42—53; 16].

Отвечал Миткевичу опять Френкель. Он еще раз ясно и выразительно продемонстрировал бессодержательность формулировок Миткевича, унаследованных от XIX в., для уровня физики 30-х годов. И даже, извинившись за прямоту, недвусмысленно развудалировал психологическую основу физики Миткевича.

Воспользовавшись этой дискуссией как поводом и согласившись с ее излишностью, выступил Д. Д. Иваненко с замечаниями о квантовых ограничениях на само понятие пространства. В начале 30-х годов эта тема была весьма популярна в авангардной теоретической физике.

Но физику арьергардную, которую достойно представлял Миткевич, не волновали новомодные идеи. Ее задачей было спасти эфир, старый, добрый, испытанный эфир. И Миткевич все физические тексты пропускал через дуршлаг своей методологии, в котором было всего два отверстия: одно означало «да» эфиру, другое — «нет». Причем «всякое уклонение от прямого ответа, всякие отговорки» Миткевич интерпретировал в духе времени — кто не с нами, тот против нас.

Свидетель этой дискуссии А. Н. Крылов отреагировал на нее в свойственной ему манере и весьма метко: «Вы, Владимир Федорович, старый техник, я тоже старый техник, но я Вас вдвое старше. Так вот, видите ли, есть такой писатель — Козьма Прутков. Он сказал: „Кто тебе мешает выдумать порох неподмокаемый?“. Кто же Вам мешает выдумать теорию Ньютонова тяготения при помощи действия через непрерывную среду. Установите ее и потом рассказывайте. А так ведь можно говорить до утра и ничего не сказать» [16, л. 466]. (Переводчик Ньютоновых «Начал» прекрасно знал, что сам Ньютон не с легким сердцем удовлетворился действием на расстоянии.)

Замечание акад. Крылова исчерпывающим образом характеризовало научную ситуацию, но оно не стало последним словом. В дискуссию решил вмешаться еще один академик, от физики гораздо более далекий, — Н. И. Бухарин: «Я бы хотел задать тов. Френкелю два вопроса. Владимир Федорович в своей речи поставил вопрос, связанный с некоторыми философскими теоретико-познавательными выводами, который относится к проблематике философии. Это вопрос о дуализме или недуализме между физическими и психическими явлениями, материальными и так называемыми духовными. В этой плоскости и говорил Владимир Федорович. Вы же выступили и говорили об электромагнитном поле. Я вас спрашиваю тогда, сколько, по-вашему, основных категорий? По-вашему, выходит три, и если вы вводите электромагнитное поле, которое не является материальным явлением, то оно, конечно, не является и психологическим. Следовательно, вы стоите за какую-то триаду. Так это или нет? С другой стороны, это не материальная [категория]. Я думаю, что по всем правилам какой угодно — и диалектической и формальной логики — это какая-то третья категория. Что это за третья категория?»

Второй вопрос. Считаете ли Вы вопрос о пространстве атрибутами чего-то, материи, и если Вы считаете это не атрибутами, а чем-то самостоятельным, то считаете ли Вы за самостоятельную субстанцию? С другой стороны, если Вы считаете, что это атрибуты, то считаете ли Вы возможным существование атрибутов в чистой неприкосновенности и оторванности от того, атрибутами чего они являются?» [16, л. 467].

Начиная ответ, Френкель назвал вопросы Бухарина «совершенно законными и правильными», с чем согласиться очень трудно. Удручающая неуместность перехода от физики в «философическую плоскость» бросается в глаза. Бухарин, видимо, не подозревал, что Миткевич под словом «материя» понимал не «объективную реальность, данную нам в ощущениях», а старые добрые кор-

пускулы, жившие в физике до эпохи диамата. И Френкель, наряду с объяснением смысла слова «поле», вынужден был отмежевать физическое словоупотребление от философского.

Из стенограммы октябрьской сессии академии 1933 г. не видно, какое впечатление на Миткевича произвело философское обсуждение его доклада. Однако если до этого обсуждения среди его доводов философии не было в помине, следующие его натиски на новую физику обрели новое качество — философско-политическое. Свою позицию он стал отождествлять с материализмом, а противостоящую — с идеализмом (документальные иллюстрации приведены ниже).

Не ограничиваясь своим физическим антиидеализмом (точнее, антифизическим материализмом), он пошел дальше. Мнение В. А. Фока (резко отрицательное) о его книге он в 1934 г. сравнил с фашистскими методами обращения с книгами [15, с. 150]. Широкою известность имеет «меридианная» история. Когда Тамм на мартовской сессии академии 1936 г. сопоставил вопрос Миткевича с вопросом о цвете меридиана, Миткевич намекнул, что, в отличие от своих идейных противников, он стоит на меридиане правильного (красного) цвета [15, с. 162; 17, с. 237]. А честно констатируя научную ситуацию, он тогда же писал: «У меня пока имеются, к сожалению, более или менее серьезные расхождения со многими моими коллегами по Академии наук, в том числе с академиками А. Ф. Иоффе и С. И. Вавиловым, с членами-корреспондентами академии — Я. Н. Шпильрейном, Я. И. Френкелем, И. Е. Таммом и Г. А. Гамовым» [18, с. 115]. Этот перечень особенно хорош тем, что Гамов к тому времени уже два года пребывал невозвращенцем и фамилия его не произносилась в общественных местах.

Гамов он упомянул среди своих противников и в конце 1937 г., когда тот уже был исключен из академии¹. Впрочем, для противников, оставшихся на родине, Миткевич оставлял шанс, полагая, «что пройдет еще немного времени и А. Ф. Иоффе и С. И. Вавилов... исправят свои ошибки» и будут «упорно работать на пользу истинно советской физической науки» [19, с. 156].

А позитивную физическую программу Миткевича вполне характеризуют его слова, сказанные в декабре 1936 г. при обсуждении в академии работ Кастерина и в ответ на вполне определенные (отрицательные) оценки, данные Френкелем и Таммом: «Мне кажется, что это [труд Кастерина — Г. Г.] составляет эпоху в нашей советской физике и будет играть очень большое [в стенограмме — колоссальное] значение в мировом масштабе» [13, л. 43].

Не обязательно, конечно, думать, что причиной философско-политической перековки акад. Миткевича стала именно подсказка Бухарина. В тогдашней научно-общественной жизни хватало и других — более прямых — подсказок (которые, как мы видели, не всеми принимались в качестве руководства к действию). Общественная практика способствовала размыванию научной этики, нравственных стандартов. И на первый план выходило весьма ненаучное обстоятельство — степень прочности нравственной позиции: допустимо ли таким образом обогащать арсенал научной дискуссии, все ли средства хороши. Нравственная неустойчивость усугублялась силой научной страсти. Академик Миткевич явно не помышлял о социально-политической карьере, иначе бы он стремился к публичным выступлениям (легко доступным для человека его положения²). Нет, он хотел, страстно хотел только одного: убедить коллег в своей правоте — недаром он все время добивался дискуссии в узком, и даже «очень узком» кругу физиков. Ему вполне достаточно было, чтобы его правоту признали только физики — члены академии. Но достигнуть этого он готов был **любой ценой**, а раз «любой», то тут уж не до научной этики.

Итак, акад. Миткевич, который более двух десятилетий участвовал в дореволюционной научной жизни и, казалось бы, должен был хорошо усвоить «общечеловеческую» методологию и этику научных обсуждений, на седьмом десятке своих лет и к концу второго десятилетия Советской власти начал выковыривать из своего научного орала философско-политический меч.

Не удивительно, что именно Миткевич стал инициатором первой философско-физической дискуссии в Академии наук. Расскажем о судьбе этой инициативы языком документов, требующих лишь незначительных комментариев.

Философские проблемы физики в 1937 г.

7 января 1937 г. действительный член АН СССР В. Ф. Миткевич обратился к неперемемному секретарю Академии наук академику Н. П. Горбунову со следующим письмом [20, л. 30—33]:

«Глубокоуважаемый Николай Петрович!

Во время мартовской сессии АН в 1936 году общим собранием был принят план работ АН на 1936 год, в котором, между прочим, по поводу группы Философии говорится: „Надо продолжить ту критику буржуазных философских теорий в трактовке ведущих проблем физики, химии и биологии, которая была начата классической работой В. И. Ленина в его знаменитом труде „Материализм и эмпириокритицизм“.

Мне неизвестно, велась ли в группе Философии ООН АН в течение истекшего 1936 года работа во исполнение вышеприведенного постановления. Полагая, что указанное направление деятельности группы Философии несомненно должно сохраниться и на предстоящий 1937 год, и считая весьма актуальным усиление борьбы за проникновение принципиальных установок диалектического материализма в область физических наук, я обращаюсь к Вам с просьбой об организации в АН собраний, посвященных рассмотрению основных натурфилософских установок современной физики, с привлечением на первое время только узкого круга причастных к АН специалистов по физике и философии.

Я думаю, что для планомерности борьбы за основы материалистического миропонимания и против физического идеализма было бы весьма целесообразно сосредоточить внимание сначала на наиболее существенных вопросах, в которых особенно резко выявляется расхождение между сторонниками физического идеализма и сторонниками диалектического материализма. В связи с проводимой мною в течение ряда лет борьбой за пересмотр некоторых наших физических представлений определенно выявилось, что члены-корреспонденты АН И. Е. Тамм, В. А. Фок и Я. И. Френкель придерживаются позиции физического идеализма. Это совершенно ясно вытекает из ряда опубликованных выступлений. Что касается академиков С. И. Вавилова и А. Ф. Иоффе, то оба они уклонились во время мартовской сессии АН от какого бы то ни было ответа на сформулированный мною вопрос, несмотря на то что их ответы могли бы осветить их натурфилософские установки. Ни С. И. Вавилов, ни А. Ф. Иоффе не возражали против выступления И. Е. Тамма, который пытался ответить за А. Ф. Иоффе, так что может показаться, будто бы они разделяют идеалистические установки И. Е. Тамма. Однако я считаю это весьма маловероятным. Тем не менее позволю себе просить Вас о персональном приглашении С. И. Вавилова и А. Ф. Иоффе на первое собрание.

Со своей стороны, я обязуюсь принять деятельное участие в указанных собраниях. Все, что я могу сказать, по существу давно уже мною опубликовано. В частности, все это содержится в моем сборнике „Основные физические воззрения“ (2-е издание, 1936 г.). Мои принципиальные установки достаточно подробно освещены в этой книге.

Для продуктивности работы предлагаемых мною собраний было бы, по моему мнению, совершенно необходимо, чтобы С. И. Вавилов и А. Ф. Иоффе предварительно дали свои письменные ответы на прилагаемые при сем 2 вопроса. Ответы С. И. Вавилова и А. Ф. Иоффе могут исчерпывающим образом охарактеризовать их натурфилософские установки, и это в значительной степени облегчило бы дальнейшее проведение, совместно с представителями физических наук, систематического анализа основных представлений современной физики с точки зрения диалектического материализма.

Буду очень признателен Вам за извещение меня о Вашем решении по настоящему делу. Аналогичное письмо я направил и вице-президенту АН СССР академику Г. М. Кржижановскому.

Преданный Вам

В. Миткевич

Приложение: Основные вопросы.

1. Могут ли два магнита N_1S_1 и N_2S_2 , находящиеся на произвольном расстоянии друг от друга, так взаимодействовать, чтобы при этом в объеме некоторого слоя, со всех сторон окружающего магнит N_1S_1 , не происходило какого бы то ни было физического процесса?

2. Допустимо ли предположение, что магнитное поле, электрическое поле или вообще электромагнитное поле существуют сами по себе, без всякого участия какого-либо материального носителя свойств, обнаруживаемых в этих полях?»

На письме резолюция:

«Считаю желательным устройство совместного одного или нескольких заседаний группы физики и философии совместно, с приглашением ряда заинтересованных лиц. Заседания эти должны быть хорошо подготовлены — желательно иметь письменные ответы ак. Иоффе и Вавилова на вопросы Миткевича. Письмо Миткевича можно опубликовать — в „Правде“ с сообщ[ением] об устройстве в АН обсуждения вопроса о физич[еском] идеализме. Кстати, прошу узнать у Ка-стерина³, когда он пришлет свою работу для опубликования. Н. Горбунов 17/1 37 г.

Обсудить — на р[асширенном] з[аседании]. 21/II 37. Н. Горбунов» [20, л. 30—34].

Николай Петрович Горбунов (1892—1938), химик-технолог по образованию, был избран академиком (и одновременно непременным секретарем Академии наук) 20 ноября 1935 г. по специальности «физическая география» за вклад в освоение природных богатств Средней Азии. Много лет руководя комплексной Таджикско-Памирской экспедицией, он непосредственно участвовал в серии географических открытий на Памире и в первом восхождении на пик Коммунизма (1933 г.).

Член партии с 1917 г., Горбунов был первым секретарем СНК РСФСР и личным секретарем Ленина, а с декабря 1920 г. — управляющим делами СНК. По заданию Ленина устанавливал контакты правительства с Академией наук, участвовал в осуществлении плана научно-технических работ в стране, с 1918 г. руководил Научно-техническим отделом ВСНХ. Государственные обязанности совмещал с ректорством в МВТУ; был председателем Научной комиссии Комитета по химизации народного хозяйства СССР (1928—1932 гг.), заместителем директора Физико-химического института им. Л. Я. Карпова (1931—1933 гг.).

Горбунов стал непременным секретарем Академии наук в период интенсивной централизации советской науки. Переезд академии в Москву, введение нового Устава (23 ноября 1935 г.) подчинили Академию наук непосредственно правительству. В частности, упоминавшаяся мартовская сессия академии 1936 г. проводилась в соответствии с предложением председателя СНК Молотова заслушать отчет директоров ведущих физических институтов, чтобы оценить оправданность затрат государства на их исследования.

26 июня 1937 г. должность непременного секретаря Академии наук ликвидируется. Спустя некоторое время Горбунов был арестован и расстрелян.

Совет Отделения математических и естественных наук АН СССР 16 апреля 1937 г. поручил Группе физики совместно с Институтом философии организовать в начале июня «дискуссионное заседание для обсуждения основных натурфилософских установок современной физики с привлечением в качестве основного докладчика акад. В. Ф. Миткевича». Президиум Группы физики 16 мая 1937 г. утвердил председателем комиссии по подготовке совещания А. А. Максимова⁴, секретарем — Д. И. Блохинцева [21].

Однако «основной докладчик», не удовлетворенный подготовкой, 2 июня вновь обратился с письмом к Горбунову [20, с. 23, 24]:

«В связи с моим обращением (от 7 янв. 1937 г.) к Вам и к вице-президенту АН акад. Г. М. Кржижановскому с просьбой об организации совместных совещаний Групп Физики и Философии для рассмотрения основных натурфилософских установок современной Физики, Президиум АН в заседании 23 февраля постановил поручить Академикам-Секретарям ОМЕН акад. А. Е. Ферсману и ООН — акад. А. М. Деборину организацию указанных совещаний.

16 апреля состоялось заседание Совета ОМЕН, на котором рассматривался вопрос о приведении в исполнение данного постановления Президиума АН. Председательствовавший в этом заседании вместо акад. А. Е. Ферсмана акад. С. И. Вавилов, против идеалистических установок которого я, между прочим, и веду борьбу, несмотря на мое неоднократное обращение к нему об исправлении ошибочной формулировки постановления, отказался отметить в протоколе заседания и в принятом постановлении мое заявление о том, что я согласен принять участие в предстоящей дискуссии и сделать первый вводный доклад лишь после того, как акад. С. И. Вавилов и акад. А. Ф. Иоффе дадут свои письменные ответы на 2 вопроса, приложенные к моему обращению к Вам (от 7 января). С материалистической точки зрения на эти вопросы безусловно необходимо ответить „нет“. Во время мартовской сессии АН в минувшем 1936 году ни акад. С. И. Вавилов, ни акад. А. Ф. Иоффе не сочли возможным присоединиться к моему отрицательному ответу на первый из этих вопросов (о взаимодействии двух систем) и вообще уклонились от какого-либо ответа, хотя вопрос был мною обращен непосредственно к ним.

Опыт ряда лет моей борьбы с физиками-идеалистами свидетельствует о том, что они систематически уклоняются от ответов на мои вопросы, сформулированные именно таким образом, чтобы

с полной очевидностью вскрыть идеалистические установки некоторых физиков. В то же время мои 2 вопроса, на которые я жду ответов С. И. Вавилова и А. Ф. Иоффе, касаются **самого главного** в наших физических представлениях. Все дальнейшее, т. е. материалистический или идеалистический характер нашего физического мышления, вообще безусловно предопределяются ответами на мои основные вопросы. Избегая четких ответов на эти вопросы, физики-идеалисты при помощи сложных, запутанных рассуждений сплоченным фронтом пытаются скрыть свои истинные натурфилософские установки и свести всякую дискуссию по основным темам к обсуждению второстепенных деталей, иными словами, упорно применяют метод своего рода „маскировки“.

Считая совершенно бессмысленным дискутирование с физиками-идеалистами в подобных условиях, **я отказываюсь от участия** в организуемых акад. С. И. Вавиловым заседаниях, якобы во исполнение постановления Президиума АН от 23 февраля, и **не согласен сделать вводный доклад**, пока акад. С. И. Вавилов и акад. А. Ф. Иоффе не ответят на заданные им мною 2 вопроса. Со своей стороны я уже давно опубликовал все, что могу сказать о своих основных натурфилософских установках.

Во всяком случае, я полагаю, что ни акад. С. И. Вавилов, ни акад. А. Ф. Иоффе не могут председательствовать в заседаниях, посвященных борьбе с физическим идеализмом. Необходим более объективный председатель. Иначе борьба с физическим идеализмом примет характер борьбы с „борьбою против физического идеализма“, как это и случилось 16 апреля в заседании Совета ОМЭН, в котором председательствовал акад. С. И. Вавилов.

Преданный Вам

В. Миткевич

Р. С. Я вовсе не претендую на то, чтобы С. И. Вавилов и А. Ф. Иоффе прислали свои ответы именно мне. Было бы гораздо лучше, если бы они прислали эти ответы непосредственно Вам. Они могли бы также опубликовать свой анализ моих вопросов на страницах „Известий АН“, о чем я очень просил их еще в 1933 и в 1936 гг. (см.: *Миткевич В. Ф.* Основные физические воззрения. 2-е изд. АН., 1936, с. 53 и 158), а не поручать это своим ученикам, как они теперь делают, стремясь уклониться от собственных ответов (см. протокол № 6 заседания Президиума Физической Группы от 4 мая 1937 г.)».

При этом Миткевич попросил указаний, как ему дальше поступать:

«1. Махнуть ли на все рукой и прекратить жестко напряженную борьбу с нашими физиками-идеалистами?

Или

2. Настойчиво продолжать борьбу за материалистическое миропонимание, добиваясь определенного ответа на вопросы, которые безошибочно разоблачают сторонников физического идеализма?» [20, л. 26].

Н. П. Горбунов высказался, «конечно, за борьбу», а президиум Академии наук 15 июня 1937 г., отложив проведение дискуссии «по вопросам натурфилософии и по основным вопросам физики» до осени 1937 г., попросил академиков А. Ф. Иоффе и С. И. Вавилова «предварительно представить для опубликования в печати свои соображения по вопросам, затронутым ак. В. Ф. Миткевичем в его письме в Президиум АН СССР» [20, л. 15].

Выполняя это постановление, С. И. Вавилов опубликовал в журнале «Под знаменем марксизма» (1937, № 7) статью «По поводу книги акад. В. Ф. Миткевича „Основные физические воззрения“». В этой статье Вавилов, привлекая историю и самое последнее слово науки, убедительно и в весьма энергичных выражениях продемонстрировал бессодержательность и анахронизм «вопросов» Миткевича и недоброкачественность его методов «борьбы против физического идеализма».

А. Ф. Иоффе не торопился выполнять просьбу президиума и 12 июля 1937 г. написал в редакцию ПЗМ: «В ответ на Ваш запрос от 10 июля сообщаю, что я не предполагаю писать о физических взглядах акад. Миткевича. Об этом я своевременно сообщил и Президиуму АН... я считаю „вопросы“ ак. Миткевича бессодержательными... Как постановка вопросов, так и аргументация целиком относятся к XIX веку... Сейчас они гальванизированы германскими фашистами, Штарком, Ленардом, которые, как и акад. Миткевич и проф. Тимирязев, отказываются понять современную физику. Фашисты — потому, что она „еврейская“ а не германская. Чтобы понять у нас эту реставрацию, нужно иметь другие основания... Среди напряженной научной работы я не нахожу времени для статьи об эфире ак. Миткевича» [23, л. 70] ⁶.

Это письмо редакция ПЗМ переправила вице-президенту АН СССР

Г. М. Кржижановскому вместе со статьей А. А. Максимова «О философских воззрениях акад. В. Ф. Миткевича и о путях развития советской физики» (опубликованной в ПЗМ, 1937, № 7).

Кржижановский ответил 23 июля: «В основном я считаю эту статью совершенно правильной, но если бы я писал на эту тему, то я еще более смягчил бы первую часть, направленную против ошибок Миткевича, и, наоборот, значительно усилил бы вторую часть, направленную против Фока, Тамма, Френкеля и Компании. Мне кажется также, что недостаточно подчеркнуто то, что представляет [собой.— Г. Г.] отрицательный комплекс представлений акад. Миткевича о современной физике: ведь он в этой области значительно поотстал, между тем голова у него хорошая и надо бы его подтолкнуть и в этом направлении» [23, л. 71].

Из статьи Максимова можно узнать, что «физики Гамов, Бронштейн, Френкель, Тамм и примыкающие к ним акад. Иоффе и С. И. Вавилов неустанно повторяли философские измышления философов-идеалистов и физиков-идеалистов» (номер журнала подписан к печати 27 августа 1937 г., и Максимов, член редколлегии ПЗМ, вполне успевал «учесть» арест Бронштейна в начале августа). По мнению Максимова, «особого внимания заслуживает также то обстоятельство, что подпавшие под влияние идеализма советские физики составляют компактную группу (Френкель, Тамм, Фок, Бронштейн, Шпильрейн, идущие с ними А. Ф. Иоффе и С. И. Вавилов и некоторые другие)». А по поводу миткевичевских обвинений в не том цвете политического меридиана, на котором стоят советские физики, прямо сказано: «В этих обвинениях содержится... своевременный и правильный сигнал об опасности смыкания реакционных философских воззрений с враждебными СССР политическими течениями» [25, с. 48, 52, 53].

Все это не помешало президиуму Группы физики 23 сентября 1937 г. постановить: «Совместную сессию групп Физики и Философии провести в конце ноября с. г. Просить Председателя Орг. Комиссии А. А. Максимова немедленно приступить к подготовительной работе». Но 25 октября сессия была перенесена еще раз, на февраль 1938 г. [22].

9 января у акад. А. М. Деборина состоялось обсуждение вопроса «о созыве совместного совещания группы физики, технической физики и группы философии» [24]. Присутствовали из физиков Миткевич и М. А. Дивильковский (ученый секретарь Группы физики) и полдюжины философов, включая Максимова. Митин (которому еще предстояло большое философское будущее) сообщил: «Мы у себя в Институте философии обсуждали и решили, что должны выступить по вопросу о современном физическом идеализме на Западе и его проявлениях в нас — акад. Миткевич, а о проблеме причинности — т. Максимов». Философ Петропавловский поддержал: «В области борьбы с физическим идеализмом В [ладимир] Ф [едорович] показал себя. Что касается т. Максимова, то он является очень компетентным человеком по вопросам причинности». Далее последовали длинные дебаты: нужны ли, возможны ли в принципе содоклады со стороны физиков, не является ли крамоллой сама возможность разных мнений по столь важному вопросу. Председательствующий Деборин высказался все же за дискуссию.

И 17 января президиум Группы физики постановил: «Принять к сведению решение Оргкомиссии о поручении первого доклада — о борьбе с идеализмом в физике — акад. В. Ф. Миткевичу и второго доклада — о причинности — А. А. Максимова. Считать необходимым: а) поручить содоклад по второму вопросу В. А. Фоку; б) просить докладчиков представить тезисы докладов заблаговременно для их широкого обсуждения в физических институтах; в) просить Б. М. Вула, Д. И. Блохинцева и В. И. Векслера организовать обсуждение тезисов ко времени Сессии» [22].

И все же эта сессия, столь долго и тщательно готовившаяся, не состоялась. Главным виновником этого стал, судя по всему, В. А. Фок. 13 февраля 1938 г. он направил в президиум Академии наук следующее заявление:

Организационная Комиссия по созыву совместного заседания групп философии, физики и технической физики, по-видимому, считает, что дискуссия, ведущаяся в настоящее время на страницах журнала „Под знаменем марксизма“, является подготовкой к той, которая должна происходить на означенном совместном заседании групп.

Если это так, то следует ожидать, что научный уровень той дискуссии, которая должна будет вестись в стенах Академии, будет весьма низким. В самом деле, ознакомившись со статьями тех лиц, которые нападают на современную физику от имени советской философии, я не нашел в них ничего соответствующего действительным задачам советской философии: разработке последовательно материалистического понимания новой физики и борьбе с идеалистическими извращениями физических теорий. Напротив того, я убедился, что они вообще не содержат никаких аргументов научного или философского характера, а состоят частью из прямой ругани (трус, лжец и т. п.), частью же из передержек, подмены понятий и прочих приемов, ничего общего с научной полемикой не имеющих. Исключения весьма редки; к ним можно причислить разве статью от редакции ПЗМ, предпосланную переводу одной статьи Эйнштейна в № 11/12 ПЗМ за 1937 г. Типичными же являются статьи акад. В. Ф. Миткевича и А. А. Максимова в том же номере ПЗМ — т. е. как раз тех лиц, которые намечены докладчиками в предполагаемой сессии.

Чтобы не быть голословным, я позволю себе иллюстрировать сказанное некоторыми примерами. Я не буду говорить о том, что в ответ на непонравившуюся ему мою рецензию на его книгу ак. В. Ф. Миткевич объявил меня приверженцем фашистских методов сжигания вредных книг (Сборник „Основные физические воззрения“, стр. 150), а отнюдь не попытался объяснить, например, как это можно говорить о природе электрического тока, не вводя для электронов в металле статистики Ферми. Я ограничусь кратким указанием особенно замечательных мест из упомянутых статей В. Ф. Миткевича и А. А. Максимова в № 11/12 ПЗМ.

В своей статье ак. В. Ф. Миткевич прежде всего нападает на ак. А. Ф. Иоффе за то, что тот пользуется недостаточно высоким стилем и — о ужас — употребляет такие слова, как „кисель“. Право же Гоголевские губернские дамы — дама приятная во всех отношениях и просто приятная дама — были менее шепетильны, чем ак. В. Ф. Миткевич, в выражении своих деликатных чувств, хотя и придерживались тех же взглядов на методы полемики *. Тот факт, что ак. А. Ф. Иоффе пользуется обычным разговорным языком, представляется, по мнению ак. В. Ф. Миткевича, *testimonium pauperatis* в научном отношении (стр. 145 № 11—12 ПЗМ).

Далее, чтобы опровергнуть утверждение ак. А. Ф. Иоффе: „...и вот группа Тимирязева — Ка-стернна — Миткевича берется за задачу вернуть физику по всему ее фронту развития назад в XIX век“ и чтобы показать, что он стоит на уровне современной физики, акад. В. Ф. Миткевич приводит ряд цитат из своих прежних сочинений. Цитаты эти составлены из расплывчатых туманных фраз, в которых действительно встречаются термины современной физики (электрон, дифракция, квантование); но термины эти употреблены так, что свидетельствуют о полном непонимании автором их смысла. Достаточно указать на то, что на стр. 147 автор смешивает максвелловские (т. е. электромагнитные) волны с волнами де Бройля; за подобную ошибку студента на экзамене ожидает немедленный провал. А ведь пишет это академик, а не студент!

В своей статье акад. В. Ф. Миткевич повторяет до утомительности часто свой вопрос о дальности и близкодействии. К этому сводится, впрочем, научное содержание почти всех его выступлений. Если ему просто ответить, что между магнитами имеется магнитное поле, которое само материально и не нуждается ни в каком носителе, то, вероятно, он будет недоволен. В. Ф. Миткевича не удовлетворяет действительно научная, признанная всем миром квантовая формулировка проблемы взаимодействия, предложенная Дираком и развитая мною в моем докладе на мартовской сессии Академии наук в 1936 г. Он хочет от современной постановки вопроса вернуться к постановке XVII—XIX веков. Неужели ж наша Академия согласна этому способствовать путем организации специальной дискуссии?

Рассмотрим теперь кратко характер аргументации А. А. Максимова в его статье в том же № 11—12 ПЗМ. Заглавие статьи такое: „О физическом идеализме и защите его акад. А. Ф. Иоффе“. Цель статьи вытекает из ее заглавия: А. А. Максиму нужно доказать, что А. Ф. Иоффе — идеалист.

Логика А. А. Максимова такова. А. Ф. Иоффе идеалист потому, что у него были ошибки в вопросах: а) о тонкослойной изоляции, б) о пластической деформации, в) об электрической очистке газов, г) о перемешивании жидкого металла в формах, д) о центробежной отливке труб и т. д. и т. д. Не правда ли, строго логическое умозаключение? Далее А. А. Максимов столь же логично умозаключает, что взгляд ак. А. Ф. Иоффе на философские проблемы физики противоположен взгляду ак. Д. С. Рождественского потому, что между ними был спор о б о т н о ш е н и и ф и з и к и к п р о м ы ш л е н н о с т и

Но это, так сказать, введение. Дальше будет еще лучше.

Как известно, феноменологической теорией в физике называется такая теория, которая не входит в рассмотрение детального механизма процесса, а характеризует его суммарно. Такими теориями являются, например, гидро- и аэродинамика, теория упругости, оптика и многие другие теории. В одном из своих докладов акад. А. Ф. Иоффе сказал, что на известном этапе развития науки феноменология (т. е. феноменологические теории) имеет право на существование.

А. А. Максимов „аргументирует“ здесь так: феноменология — это феноменализм — это махизм — это идеализм. Следовательно, акад. А. Ф. Иоффе защищая махизм и выступает против Ленина (стр. 160—161).

Такая, с позволения сказать, аргументация — это есть чистый подлог. Не может быть, чтобы А. А. Максимов не видел нелепости того утверждения, что, например, гидродинамика есть теория

идеалистическая. Но он сознательно пытается ввести в заблуждение читателя и любимыми средствами очернить своего противника.

Статья А. А. Максимова довольно длинная, и подробный ее разбор занял бы слишком много места. Но нигде в ней нельзя встретить ни намека на научную аргументацию. Зато в изобилии встречаются ругательства, передежки и фальсификации высказываний отдельных физиков. Поэтому не приходится сомневаться в том, что того же характера будут и его выступления на предполагаемой сессии. Что касается выступлений ак. В. Ф. Миткевича, то они неизменно сводятся к повторению его вопроса — „да“ или „нет“. Таким образом, можно заранее судить о научном уровне предполагаемой дискуссии. Делу не поможет и мой доклад (от группы физики), от которого я не считал возможным отказаться, несмотря на крайне неблагоприятную для него обстановку.

Ввиду всего изложенного естественно возникает вопрос: стоит ли вообще Академии наук СССР устраивать при данных условиях дискуссии? Я решительно отвечаю, что не стоит. Довольно и одного скандала: созыва 9 декабря 1936 г. особого совещания для заслушивания доклада Н. П. Кастерина и напечатания этого доклада Академией наук. Если дискуссия будет устроена, она несомненно выльется в скандал еще более крупный и принесет большой вред советской физике.

Совершенно иначе обстояло бы дело, если бы был гарантирован надлежащий уровень дискуссии. Ведь на самом-то деле в физике действительно возникают серьезные философские проблемы, например разработка последовательно материалистического понимания квантовой механики. Казалось бы, что, располагая таким оружием, как диалектический материализм, советские философы в союзе с физиками должны быть в состоянии решать такого рода проблемы. Однако это далеко от осуществления. Во всяком случае, ясно, что выступления, подобные разобранным выше, только дискредитируют советскую философию.

Резюмирую все сказанное. Не подлежит сомнению, что предполагаемая дискуссия по философским вопросам физики будет стоять на недопустимо низком научном уровне, недостойном Советской науки и Советской Академии наук. Поэтому я прошу Президиум Академии пересмотреть вопрос о целесообразности организации такой дискуссии в настоящий момент» [20, л. 1—7].

16 февраля состоялось заседание оргкомиссии (под председательством Деборина), на котором Деборин сообщил, что совещание откладывается, «учитывая, что сейчас не имеется подходящих условий для проведения такой сессии... Я думаю, что сейчас даже можно не указывать конкретного срока» [26]. Судя по тому, как на оргкомиссии упоминалось имя В. А. Фока и его письмо, можно предположить, что именно оно стало главным неподходящим условием. Хотя статьи С. И. Вавилова и А. А. Иоффе в ПЗМ написаны довольно энергичным и прямым языком, они все же уступают медицински точным диагнозам Фока.

Конечно, считать письмо Фока само по себе единственной причиной того, что дискуссия была отложена, может показаться идеализмом, если учитывать воинствующий материализм общественной жизни образца 1937 г. Были, видимо, и другие обстоятельства, не оставившие следа в архивных стенограммах.

Все действующие лица наверняка знали о «чуде святого Владимира». Так называли краткосрочный арест Фока в феврале 1937 г.: 11 февраля его арестовали в Ленинграде, этапировали в Москву, но через несколько дней вернули домой. Владимир Александрович вовсе не скрывал этот эпизод своей биографии. Вот как, например, член-корреспондент АН СССР упомянул об этом эпизоде в заявлении ленинградскому областному прокурору от 20 июля 1937 г. Фок требовал защитить его честное имя «от гнусной клеветы и оскорблений со стороны В. Е. Львова». Львов, журналист и научный обозреватель «Нового мира», в апрельском номере журнала в рецензии на книгу Миткевича назвал Фока «ученым мракобесом, взыскующим методов Гитлера», за его «откровенно фашистское» отношение к трудам Миткевича (видимо, Львов успел узнать об аресте Фока, но уже не успел «учесть» в своей статье его освобождение). Во укрепление своей позиции Фок пишет прокурору:

«Что касается того, фашист я или нет, то об этом лучше всего может судить Член ПОЛИТБЮРО, НАРКОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ тов. Н. И. Ежов, который вызывал меня к себе в Москву 15 февраля 1937 г. для личного знакомства и в незабываемом для меня разговоре со мной между прочим сказал, что не имеет никаких возражений против избрания меня Академией наук в свои действительные члены» [27, л. 1—2].

Еще более прямое действие могло оказать письмо в Отдел науки ЦК ВКП(б), которое Фок послал одновременно с заявлением в прокуратуру. Он писал о вреде, который наносят советской науке выступления Львова:

«Называя крупнейших советских физиков, уже внесших и продолжающих вносить свой общепризнанный ценный вклад в мировую науку, „обскурантами“ и „мракобесами“, В. Е. Львов противопоставляет им акад. В. Ф. Миткевича, наивные представления которого о природе соответствуют взглядам, господствовавшим полвека и более назад, как „борца с реакционными силами в физике“. Безнадёжно устаревшие взгляды акад. В. Ф. Миткевича будут обсуждаться, между прочим, в предстоящих осенью заседаниях физической группы Академии наук, где они, несомненно, получат должную оценку. Статью Львова можно рассматривать, как своего рода „подготовку“ широких кругов читателей „Нового мира“ к этому обсуждению — подготовку, имеющую цель извратить действительное положение вещей. Извращение доходит до того, что В. Е. Львов осмеливается говорить, будто борьба акад. В. Ф. Миткевича против современной физики ведется „при идейной поддержке партии“» [27, л. 7].

Что решил Отдел науки ЦК по этому поводу, неизвестно, но, если судить по делам в академии, партия не оказала «идейную поддержку» материализму акад. Миткевича. Дискуссия была отложена⁷.

Дискуссия оказалась отложена на десять лет — острый рецидив борьбы с физическим идеализмом вспыхнул в конце 40-х годов.

А в конце 30-х массированное наступление на физический идеализм прекратилось почти столь же резко, как и началось (если интенсивность полемики измерять числом публикаций в ПЗМ, то она уменьшилась в четыре раза). Специалист по причинности Максимов успел разоблачить УФН как «рассадник идеализма в физике» [28], но крупнокалиберный доклад «Современный физический идеализм» ему пришлось сделать не в физической, а в философско-правовой аудитории [29] (не пропадать же добру). Докладчик тесно связал «неомахистское течение» с «фашистским движением в среде современных естествоиспытателей» и заявил, что «сознательно протаскивают враждебную СССР идеологию Френкель, Тамм, Фок, и поддерживающий их Иоффе», которые «волью или неволью помогают врагу культуры и науки — фашизму».

Однако, несмотря на такие страшные слова, никаких практических следствий из них не вытекло.

«Можно ли было лучше использовать свои силы?»

Советской физике; выдержавшей философский натиск 1937 г., предстояли еще тяжелые философские времена. Конец этих времен обозначало только Всесоюзное совещание по философским вопросам естествознания 1958 г. Однако назвать это совещание разгромом философского надзирательства оснований нет: первый доклад на совещании сделал акад. М. Б. Митин [30], тот самый, который в 1938 г. рекомендовал Миткевича в качестве докладчика о «современном физическом идеализме на Западе и его проявлениях у нас».

А что же председателем оргкомиссии 1937—1938 гг.? В 1965 г., «проделав длинный путь борьбы, охватывающий целое столетие», в научной автобиографии он подвел «некоторые итоги этой борьбы» [31, л. 2]. Не без гордости он описал свой вклад в борьбу с идеализмом на этапе, когда тот вступил в союз с космополитизмом. Началось это довольно рано: «В Москве [в конце 1942 г.] в ЦК партии я в лице П. Н. Федосеева, заместителя Г. Ф. Александрова [начальника управления пропаганды и агитации ЦК], получил задание осуществить работы, которые бы содействовали развертыванию патриотических чувств советских ученых, советской интеллигенции вообще» [31, л. 86]. (Как широко и далеко развернулись патриотические чувства, хорошо известно.) К 1943 г. вклад Максимова в науку возрос настолько, что он стал членом-корреспондентом АН СССР по Отделению истории и философии.

Максимов, разумеется, участвовал в подготовке Всесоюзного совещания физиков 1949 г. (в качестве члена оргкомитета и одного из наиболее активных выступающих) и в издании знаменитого «зеленого» сборника [32].

Завершал свою карьеру Максимов при молчании фанфар. Преодолевая сопротивление физиков-идеалистов, в 1952 г. он опубликовал статью «Против реакционного эйнштейнианства в физике» [33], но не в центральной газете (по свидетельству И. К. Кикоина, этому воспрепятствовала рецензия И. В. Курчатов), а в краснофлотской, хотя в статье произнесено новое слово философии — «механистический идеализм». А «в борьбе за марксистскую трактовку соот-

ношения $E = Mc^2$ » Максимов даже умудрился вляпаться в ересь энергетизма [31, л. 101].

По состоянию здоровья, подорванного многолетней борьбой, он в 1954 г. ушел на пенсию из Института философии, но в качестве члена-корреспондента еще 20 лет регулярно сообщал в академию о своих научных занятиях. В частности, в 70-е годы он трудился над статьей «Провал мнимой идеологической диктатуры философского релятивизма и гнилость культа личности А. Эйнштейна», в которой намеревался доказать, что «теория относительности А. Эйнштейна вообще сильно затормозила развитие науки в ряде вопросов» [34].

Читателю, наверно, хотелось бы узнать, что Максимов в своем жизнеописании рассказал о философско-физических сражениях. Очень немногое. О несостоявшемся (публично) совещании 1949 г. имеется лишь одна — умиротворенная — страница. Как будто не было трехмесячных ожесточенных обсуждений, в которых участвовало около 100 человек и среди них — виднейшие физики.

А о сорвавшейся академической дискуссии 1938 г., организацией которой Максимов занимался целый год, вообще нет ни слова.

Видимо, он отличал поражения от побед.

Но в целом своей жизнью Максимов остался доволен, если судить по заключительной фразе его автобиографии:

«Возникает вопрос: можно ли было лучше использовать свои силы? Вероятно — можно. Но это область мечтаний. Хорошо, что я сделал то, что сделал. Я благодарен своей судьбе» [31, л. 104].

Точно ответить на вопрос, возникший у Максимова, история науки вряд ли когда-нибудь сможет. Это действительно область мечтаний, или, если угодно, область философии истории. Но, занимаясь социальной историей советской науки, полезно об этом вопросе помнить.

Список литературы

1. Планк М. Избранные труды. М., 1975.
2. Делюкаргов К. Х. Методологические проблемы квантовой механики в советской философской науке (исторический анализ). М., 1982.
3. Постановление ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 г. «О журнале „Под знаменем марксизма“ // О партийной и советской печати. М., 1954. С. 408—410.
4. Тамм И. Е. О работе философов-марксистов в области физики // ПЗМ. 1933. № 2. С. 220.
5. Вавилов С. И. Старая и новая физика // Памяти Карла Маркса. М., 1933. С. 207—220.
6. Иоффе А. Ф. Непрерывное и атомное строение материи // Там же, с. 247—253.
7. Иоффе А. Ф. Развитие атомистических воззрений в XX веке // ПЗМ. 1934. № 4. С. 52—68.
8. Тимирязев А. К. Кинетическая теория материи. 3-е изд. М., 1939.
9. Кудрявцев П. С. Курс истории физики. М., 1974.
10. Тимирязев А. К. Опровергает ли современная электрическая теория материи материализм? // ПЗМ. 1922. № 4.
11. Письма Н. П. Кастирина П. П. Лазареву 18.3.1916 и 12.6.1917 // Архив АН СССР (далее — ААН). Ф. 459. Оп. 4. Д. 56. Л. 19, 28 об.
12. Блохинцев Д. И., Леонтович М. А., Румер Ю. Б., Тамм И. Е., Фок В. А., Френкель Я. И. О статье Н. П. Кастирина «Обобщение основных уравнений аэродинамики и электродинамики» // Изв. АН СССР. Сер. физ. 1937. № 3.
13. Стенограмма выступлений по докладу проф. Н. П. Кастирина // ААН. Ф. 2. Оп. 1 (1937). Д. 571.
14. Френкель В. Я. Яков Ильич Френкель. М., 1966.
15. Миткевич В. Ф. Основные физические воззрения. Сборник докладов и статей. 2-е изд. М.; Л., 1936.
16. Стенограмма октябрьской сессии АН СССР 1933 г. // ААН (ЛО). Ф. 2. Оп. 1. (1933). Д. 3. Л. 459—469 об.
17. Фейнберг Е. Л. Эпоха и личность // Воспоминания о И. Е. Тамме. М., 1986. С. 223—248.
18. Сессия АН СССР 14—20 марта 1936 г. // Изв. АН СССР. ОМОН. 1936. № 1—2. С. 5—411.
19. Миткевич В. Ф. По поводу статьи акад. А. Ф. Иоффе «О положении на философском фронте советской физики» // ПЗМ. 1937. № 11—12. С. 144—156.
20. Обсуждение основных натурфилософских установок современной физики (7.1.37—10.3.38) // ААН. Ф. 2. Оп. 1 (1937). Д. 558.
21. Протоколы заседаний Президиума физической группы АН СССР за 1937 г. // ААН. Ф. 437. Оп. 1. Д. 73.
22. То же, за 1938 г. // Там же. Д. 116.

23. Секретариат вице-президента АН СССР Г. М. Кржижановского // ААН. Ф. 402. Оп. 1. Д. 1.
24. Стенограмма обсуждения у акад. Деборина по вопросу о созыве совместного совещания групп физики, технической физики и философии 9 / 1-38 // ААН. Ф. 394. Оп. 10. Д. 61.
25. Максимов А. А. О философских воззрениях акад. В. Ф. Миткевича и о путях развития советской физики // ПЗМ. 1937. № 7. С. 25—55.
26. Стенограмма оргкомиссии по созыву совместного заседания групп философии, физики и технической физики // ААН. Ф. 394. Оп. 10. Д. 69.
27. Фок В. А. [Заявление прокурору и письмо в Отдел науки ЦК о выступлениях В. Е. Львова в журнале «Новый мир»] // ААН (ЛО). Ф. 1034. Оп. 2. Д. 9.
28. Максимов А. А. Рассадник идеализма в физике (о журнале «Успехи физических наук») // Большевик. 1938. № 7. С. 91—96.
29. Стенограмма заседания группы философии и права ООА АН СССР 25 мая 1938 г. // ААН. Ф. 394. Оп. 13. Д. 7.
30. Митин М. Б. Великое идейное оружие познания и преобразования мира // Философские проблемы современного естествознания. М., 1959. С. 12—31.
31. Максимов А. А. [Об отношении к естествознанию и естествоиспытателям. 1965. 104. л.] // ААН. Ф. 1515. Оп. 1. Д. 153.
32. Философские вопросы современной физики. М., 1952.
33. Максимов А. А. Против реакционного эйнштейнизма в физике // Красный флот. 1952. 13 июня.
34. Максимов А. А. [Заметки 70-х годов] // ААН. Ф. 1515. Оп. 1. Д. 78. Л. 6, 13.

¹ Формальное исключение (согласно Уставу) произошло на Общем собрании АН 29 апреля 1938 г., но фактически — решением Физической группы — Гамов был исключен 27 XII 1936 г. [21].

² В анкете Миткевича был существенный «дефект»: два его сына уехали в США (в 1918 и 1925 гг., для «окончания» и «усовершенствования образования», по выражению самого В. Ф. Миткевича [ААН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 145]). Однако вряд ли это может объяснить его философскую позицию.

³ В подкрепление своего письма и своей позиции в академии Миткевич 12 января 1937 г. направил Горбунову письмо, в котором «в связи с предстоящими выборами действительных членов АН» предложил кандидатов по специальности «физика»: Н. П. Кастерина и А. К. Тимирязева. Мотивом своего предложения он указал «настоятельную необходимость усилить группу Физики АН действительными членами, имеющими достаточные заслуги, как ученые, и в то же время стоящими на платформе диалектического материализма» (ААН. Ф. 411. Оп. 6. Д. 1446).

⁴ А. А. Максимов (1891—1976), сын сельского псаломщика, окончил Казанский университет в 1916 г. по специальности «физическая химия». С начала 1918 г. работал в отделе культпросвета Казанского совдепа. С ноября 1918 г. член РКП(б). После года службы в Красной Армии работал в Наркомпросе в отделе рабфаков. Ячейка РКП(б) этого отдела приняла в партию А. К. Тимирязева, под руководством которого Максимов с 1922 г. стал работать на кафедре физики I МГУ. Печатался в журнале ПЗМ, с 1926 г. вошел в его редколлегия. Выполнял поручения отдела агитации ЦК. Работал в редакции БСЭ, написал для БСЭ статью «Диалектический материализм» и др. В 1934 г. ему присвоено звание доктора философских наук. К 1937 г. он один из главных деятелей партийно-философского надзора за естествознанием. Именно он в «Правде» 8 февраля 1937 г. написал эпитафию «Сорене», самому научному из популярных журналов, выходящему в 1931—1936 гг. под редакцией Н. И. Бухарина [ААН. Ф. 411. Оп. 15. Д. 52].

⁵ Письмо Горбунова [20, л. 25] осталось без подписи, видимо, в связи с тем, что через несколько дней его должность — непрменный секретарь Академии наук — была ликвидирована.

⁶ Время для такой статьи Иоффе все-таки вынужден был найти спустя несколько месяцев. В ПЗМ (1937, № 11—12) помещена его статья «О положении на философском фронте советской физики».

* Цитирую из Гоголя: — Милая, это пестро! — Ах, нет не пестро! — Ах, пестро!

Нужно заметить, что во всех отношениях приятная дама была отчасти материалистка, склонная к отрицанию и сомнению и отвергала весьма многое в жизни.

⁷ На приведенном выше заявлении Фока имеется резолюция Кржижановского: «Тов. Веселовскому. Дискуссия отложена, но для сведения пересылаю Вам эту записку. 10 / III — 38». В. И. Веселовский, административный работник, с 15 декабря 1937 г. до 5 марта 1939 г. выполнял обязанности секретаря Академии наук.